

ТИТАН РАЗУМА И БОРЬБЫ

Удивительно распоряжается историей человеческими судьбами. Наверно, лишь немногие помнят сейчас, кто правил четыреста лет назад Англией, хотя имя это, казалось бы, намертво впечатано в летопись кровавыми буквами — королева Елизавета. Но зато нет на земном шаре человека, который не знал бы имени сына провинциального торговца из Стратфорда-на-Эйвоне — Вильяма Шекспира.

Королева Елизавета сгоняла на первые капиталистические мануфактуры обезземеленных крестьян и думала, что вершит судьбами страны и народа. Вильям Шекспир играл крошечные роли на подмостках первого в Лондоне театра, переплывал чужие пьесы и писал собственные драматические хроники.

И все же, когда сравниваешь значение этих двух людей в мировой истории (сравнение, конечно, рискованное!) — приходишь к парадоксальному выводу: именно «презренный лицедей» Вильям Шекспир, а не всемогущая королева Елизавета, повелевал историей, предвидел ее ход, торопил человеческий прогресс.

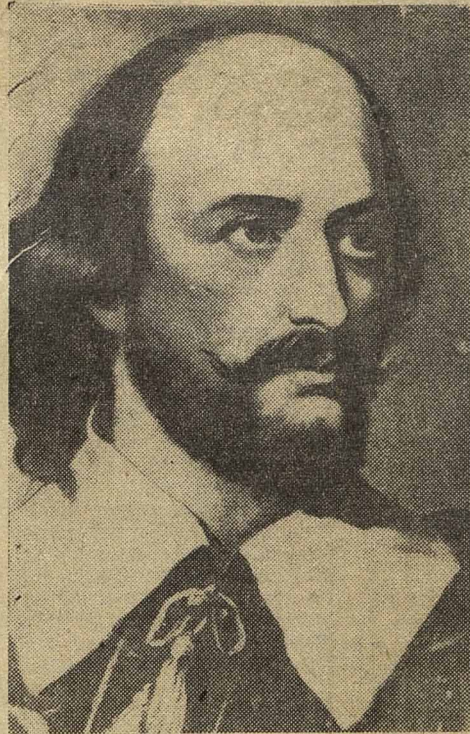
Это не покажется преувеличением тому, кто знает, сколько раз ставили Шекспира за эти четыре столетия, какие политические бури вызывали эти постановки, сколько раз его запрещали, искажали, переиначивали, чтобы вытравить его великие идеи, сколько у него было врагов и сколько друзей!

И когда Гамлет говорит знаменитые слова о бродячем актере, который потряс его изображением «вымышленной страсти»:

Что совершил бы он,
будь у него
Такой же повод и подсказ
для страсти,
Как у меня? —

то вдруг ловишь себя на мысли, что сам Шекспир — и есть воплощение собственного театрального идеала. В нем «дух» и «мечта», «действие» и «мысль» слиты до такой степени, что его пьесы нельзя воспринимать как просто текст для театра, это живая «страсть», разрывающая оковы слов и вторгающаяся в жизнь, в отношения людей, чтобы совершить в этих отношениях переворот.

Шекспиру выпало жить в одну из самых драматических эпох мировой истории, когда «порвалась дней связующая

нить»: отживающий феодализм полностью исчерпал себя, а буржуазные отношения, наряду с тем прогрессивным, что они несли на смену феодализму, сразу же обнаружили свои гнуснейшие пороки — философию и практику чистогана, продажности, голого денежного интереса.

Начав с искрящихся весельем и радостью комедий, в которых свободный ренессансный человек как бы праздновал свою победу над средневековыми, религиозными догмами, Шекспир со временем пришел к жесточайшим трагедиям.

Он видел, как подавляют свободу все еще могучие феодальные нравы, и гибель Ромео и Джульетты выросла у него до масштабов гигантского обвинителя тем, кто поддерживал эти старые устои.

Но то был только первый пласт современной Шекспиру действительности. Зрение его было настолько острым, что он видел гораздо дальше. Он сумел одним из первых понять, что не только старые, но и новые, буржуазные порядки несут с собой зло человеку. Он видел крушение патриархально-рыцарских иллюзий в мире сухих денежных расчетов. Его великий современник Сервантес изобразил это крушение в трагикомическом жизнеописании Дон-Кихота, Шек-

спир же рассказывал об этом в кровавой истории короля Лира и его дочерей, в трагедии Гамлета, который становится свидетелем того, как на смену его отцу, «идеальному» человеку и государю, приходит расчетливый, преступный узурпатор Клавдий.

Однако и на этом не останавливается гений Шекспира. Он поднимается до самого трагического конфликта эпохи, когда сталкиваются мир чистогана, расчетов, подлости и герой гуманистического, ренессансного склада. Таков Брут в «Юлии Цезаре». Таков Гамлет. Таков Отелло.

И когда охватываешь единым

взором всю эту страшную картину века, нарисованную Шекспиром с потрясающей воображением мощью и правдивостью, понимаешь, как справедливы и безысходно-трагичны слова Гамлета:

Порвалась дней связующая
нить.
Как мне обрывки их
соединить!

Гамлет, человек, предназначенный исправить порочный мир, истребить зло и восстановить на земле справедливость, — самое любимое и самое великое создание шекспировского гения. Всю жизнь Шекспир мучился образом титана, который восстановит разрывшуюся связь времен, организует жизнь по законам разума. Через все его творчество проходит мечта о человеке действия. И мечта эта согревает все его трагедии, вот отчего они не повергают зрителя в унылый пессимизм, а пробуждают энергию и силу, гнев против насилия и унижения, желание творить на земле добро.

Враги и фальсификаторы Шекспира не раз пытались представить великих его героев как людей слабых, раздираемых глубоко личными переживаниями и страстями. Сколько раз Отелло называли ревнивым себялюбцем, а Гамлета — безвольным, слабохарак-

терным человеком, который поглощен идеей личной мести, но даже на это не может решиться. Как далеки все эти домыслы от той реальной правды и силы, которая бурлит, клокочет в шекспировских героях!

Ведь Гамлет — это человек, стоящий не только на переломе судеб мира, на рубеже «разорванных» эпох, но также на решающем переломе собственной судьбы. Не случаен в пьесе тот мотив, что Гамлет молод, он студент, он еще не окончил учения в Виттенберге. Гамлет находится на том рубеже, когда юность сменяется зрелостью и когда жизнь ставит каждого перед вопросом: «быть или не быть», подчиниться существующим порядкам, плыть по течению, принимать действительность такой, какова она есть, или же перестроить ее, вмешиваясь во все вокруг, строить ее по новым, лучшим законам.

Фальсификаторы Шекспира сделали все, чтобы представить эти мучительные раздумья Гамлета как простую нерешительность, игру ума. Им хотелось бы избежать опасных аналогий: ведь не только четыреста лет назад, но и сейчас, сегодня, во все времена жизнь ставит каждого человека на рубеже молодости и зрелости перед той же проблемой. Но Гамлет сам, первый осуждает человеческую нерешительность, пустые умствования, неспособность окружающих людей к борьбе:

Так малодушничает наша
мысль
И вянет, как цветок,
решишь ли наша
В бесплодные умственного
тупика.
Так погибают замыслы
с размахом,
Вначале обещавшие успех,
От долгих отлагательств.

И факт остается фактом: Гамлет выбрал борьбу, Гамлет восстал — и погиб. Трагическое одиночество Гамлета, как и одиночество Брута, Отелло, Корделии и Кента в «Короле Лире» — вот что привело к гибели большинство этих героев, а вовсе не их бездейственность и нерешительность.

Шекспир мечтал о союзе множества людей, подобных Гамлету и Бруту, об обществе, состоящем из титанов действия, борцов и гуманистов, и это великая его мечта — живая мечта наших дней, цель, за которую и сейчас борется человечество. Почти все тра-

гедии Шекспира оканчиваются мажорным аккордом — после кровопролитий и десятков смертей остаются в живых, чтобы творить и править дальше, герои гуманистического склада, которые как бы подводят итог всему происшедшему: в «Гамлете» — Горацио, в «Короле Лире» — Эдгар и Кент, в «Макбете» — Малькольм и т. д. Но не случайно, что это большей частью второстепенные или даже эпизодические герои. Они не столько реальные фигуры людей, сколько символы все того же великого стремления и неутомимой веры Шекспира в то, что мир придет к разумному и справедливому устройству.

Поиски в жизни титанов действия, встающих против про-

извола, насилия и подлости, против кровопролитных войн, против тиранов и узурпаторов власти, все это делало Шекспира необычайно опасным для тех, кто веками держался на насилиях и войнах. Сто лет назад во Франции при маленьком тиране Луи Бонапарте запретили праздновать трехсотлетний юбилей Шекспира. При Гитлере в Германии искажали пьесы великого драматурга. Чего только не делают буржуазные шекспироведы, чтобы извратить Шекспира, сделать его сегодня менее действенным, менее живым, менее «опасным»!

Одни из этих ученых говорят о Шекспире как о представителе «чистого искусства», не имеющего ничего общего с

борьбой за новые политические идеалы.

Другие, не умея скрыть, что пьесы Шекспира все же наполнены политическим содержанием, близким зрителям, считают этих зрителей толпой дураков и мерзавцев и сетуют, что именно это якобы уменьшает значение Шекспира как художника. Наконец, третьи открыто заявляют о своей враждебности идеям Шекспира, как это сделал один из буржуазных ученых, сказавший: «Мне хотелось бы, чтобы Шекспир написал другого «Гамлета», главным героем которого был бы не Гамлет, а Клавдий».

Тем, кто фальсифицировал Шекспира, хорошо ответил еще более столетия назад

В. Г. Белинский: «Что Шекспир, величайший творческий гений, поэт по преимуществу, в этом нет никакого сомнения; но тем плохо понимают его, кто из-за его поэзии не видят богатого содержания, неистощимого родника уроков и фактов для психолога, философа, историка, государственного деятеля...»

Да, Шекспир оказал своим творчеством неизгладимое влияние на сознание миллионов людей, на многие человеческие поколения, а следовательно, на ход всей мировой истории. Знаем ли мы еще одного драматурга, который сделал для человечества так много, который с такой титанической мощью пробудил его и пробуждает к разуму, к действию, к борьбе! Шекспир и сегодня жив. Жив, пока перед каждым человеком встает вопрос: «быть или не быть» — искать в жизни покоя и смирения или борьбы, победы, счастья!

Г. ВЛАДИМИРОВ.

Шекспировский год отмечает и Павел Бунин. заново перечитывая Шекспира, изучая его время, нравы и быт, художник создал много интересных графических работ.

«Ричард III». Акт. 5, сцена I. Бекенгем: «Не хочет говорить со мною Ричард!».

Рис. П. БУНИНА.